

СЕМЬ ПРИНЦИПОВ БУСИДО:
ПУТИ ВОИНА

義

ги — Справедливость

勇
氣

юки — Мужество

仁

дзин — Сострадание

礼

рэй — Почтение

誠

макото — Искренность

名
誉

мэйё — Честь

忠
義

тёги — Преданность

«В век упадка, в который мы живем, умы людей извращены, и они любят только слова, а не реальные поступки».

— Из I тома «Бансэнсюкай», древнего руководства по *синоби-но моно*, или искусству ниндзя

Начало

«**В** начале было два солнца и две луны». Перед глазами мальчика все расплывалось, заставляя его не замечать правду. Не замечать стыда. Он сосредоточился на истории, которую ему рассказала *уба*¹ прошлой ночью. Истории о добре и зле, о свете и тьме. Истории о том, как победоносное солнце вошло высоко над головами врагов.

Пальцы инстинктивно потянулись к мозолистой и теплой ладони *убы*. Няня из Кисуна была с ним с тех пор, как он себя помнил, но теперь — как и всего остального — ее не стало.

Теперь не осталось никого.

Вопреки воле зрение мальчика прояснилось, застыв на чистом голубом полуденном небе над головой. Пальцы сжали жесткую ткань рукавов его одежд.

«Не отводи взгляд. Если они увидят, что ты отводишь взгляд, то скажут, что ты слаб».

И вновь слова его *убы* эхом отдались в ушах.

Он опустил глаза.

Двор перед ним был задрапирован белоснежными занавесками и с трех сторон окружен экранами из рисовой бумаги. Длинные знамена с золотым гербом императора развевались

¹ Уба — няня.

на ветру. С двух сторон стояли мрачные зрители — *самураи*¹, одетые в темные шелка парадных *хакама*².

В центре двора на маленьком татами³, покрытом выбеленной парусиной, на коленях стоял отец мальчика. Он тоже был облачен в белое, черты его лица казались высеченными из камня. Перед ним стоял низкий столик, на котором лежал короткий меч. Рядом стоял человек, который когда-то был его лучшим другом.

Мальчик пытался перехватить взгляд отца. На мгновение ему показалось, что отец смотрит в его сторону, но это могла быть просто игра ветра. Уловка ароматного дыма, клубящегося над приземистыми медными жаровнями.

Отец не захотел бы смотреть сыну в глаза. Мальчик это знал. Стыд был слишком велик. А отец наверняка умрет прежде, чем позволит сыну испытать стыд от его слез.

Барабаны начали отбивать медленный ритм. Панихида.

Вдалеке за воротами мальчик уловил приглушенный смех и возню детей. Вскоре на них коротко прикрикнули, заставляя замолчать.

Отец без колебаний развязал узел на талии и распахнул белые одежды, обнажая кожу на животе и груди. Затем он подоткнул рукава под колени, чтобы не упасть назад.

Ибо даже опальный самурай должен умереть достойно.

Мальчик наблюдал, как отец потянулся к короткому лезвию *танто*⁴ на маленьком столике перед ним. Ему хотелось закричать, чтобы он остановился. Закричать, моля еще о мгновении. О еще одном взгляде.

Только об одном.

¹ Самурай — член воинского сословия, обычно на службе у сюзерена или даймё.

² Хакама — длинные широкие плиссированные штаны, похожие на юбку, надеваемые поверх кимоно.

³ Татами — тканый коврик, традиционно сделанный из рисовой соломы.

⁴ Танто — короткий меч.

Но мальчик хранил молчание, пальцы в кулаках побелели. Он сглотнул.

«Не отводи взгляд».

Его отец взялся за лезвие, обхватывая руками моток белого шелка у основания. Он вонзил клинок себе в живот, медленно ведя сначала влево, потом вправо. Его лицо оставалось безучастным. В нем нельзя было обнаружить ни одного намека на страдание, хотя мальчик искал его — чувствовал его, — несмотря на все усилия отца.

«Никогда не отводи взгляд».

Наконец, когда отец вытянул шею вперед, мальчик увидел его. Быстрая вспышка, гримаса. В то же мгновение сердце мальчика содрогнулось в груди. Горячий прилив боли захлестнул его.

Человек, который когда-то был лучшим другом его отца, сделал два длинных шага, затем взмахнул сверкающей *катаной*¹ по идеальной дуге к обнаженной шее отца. Удар головы отца мальчика о татами заставил барабанную дробь замолкнуть.

Но мальчик продолжал смотреть. Наблюдал, как багровая струя вырвалась из сторбленного тела отца, миновала край циновки и разлилась на серые камни за ней. В нос ударил запах свежей крови — смесь теплого металла и морской соли. Он ждал, пока тело его отца понесли в одном направлении, а голову — в другом: выставить напоказ в качестве предупреждения.

Ни один намек на измену не будет прощен. Даже шепот.

Все это время к мальчику никто не подходил. Никто не смел заглянуть ему в глаза.

Бремя стыда обрело форму в груди мальчика, став тяжелее любого веса, который он когда-либо мог вынести.

Когда мальчик наконец повернулся, чтобы покинуть опустевший двор, его взгляд упал на скрипящую дверь рядом. Няня, одна рука которой соскользнула со щеколды, а вторая

¹ Катана — длинный японский меч.

сжимала два игрушечных меча, встретила его немигающий взгляд. На мгновение она покраснела.

«Никогда не отводи взгляд».

Няня смущенно опустила глаза. Он наблюдал, как она быстро повела мальчика и девочку через деревянные ворота. Они были на несколько лет младше его и, очевидно, из богатой семьи. Возможно, дети одного из присутствовавших сегодня самураев. Мальчик поправил тонкий шелк воротника своего кимоно и пронесся мимо своей няни, ни разу не остановившись, чтобы обратить внимание на сына предателя.

Девочка, однако, замерла. Она дерзко уставилась прямо на мальчика, ее лицо все время меняло выражение. Потерев нос тыльной стороной ладони, она моргнула, мимолетно окинула его взглядом, а затем остановила глаза на его лице.

Он посмотрел в ответ.

— Марико-сама!¹ — заругалась няня. Она шепнула что-то девочке на ухо, а затем потянула ее за локоть.

Тем не менее взгляд девочки не дрогнул. Даже когда она проходила мимо лужи крови, потемневшей на камнях. Даже когда ее глаза сузились от понимания.

Мальчик был благодарен, что не увидел в ее взгляде сочувствия. Вместо этого девочка продолжала изучать его, пока няня не увела ее за угол.

Его глаза вернулись к небу. Он высоко запрокинул подбородок, не обращая внимания на текущие слезы.

«Вначале было два солнца и две луны».

Однажды победоносный сын восстанет... И предаст огню всех врагов своего отца.

¹ -сама — уважительный суффикс, немного более формальный, чем -сан.

Иллюзии и ожидания

Десять лет спустя

На первый взгляд все казалось правильным. Элегантный паланкин. Покорная дочь. Оказанная честь. Затем, словно в насмешку над ней, паланкин Марико дернулся, из-за чего она ударилась плечом о стенку *норимоно*¹. Его выпуклые перламутровые вставки, несомненно, оставят синяк. Марико глубоко вздохнула, подавляя в себе желание начать ворчать в темноте, как злобная старуха. Запах лака *норимоно* наполнял ноздри, напоминая о леденцах «Борода дракона», которые она любила в детстве.

Мрачный, приторно-сладкий гроб, несущий ее к месту последнего упокоения.

Марико глубже зарылась в подушки. Ничто в путешествии в столицу империи Инако не шло гладко. Ее конвой отбыл позже, чем намечалось, и они слишком часто останавливались. По крайней мере, сейчас — по тому, как *норимоно* накренился вперед, — Марико могла заключить, что они двигались вниз по склону. Это означало, что они миновали холмы вокруг долины и преодолели уже половину пути до Инако. Она откинулась назад, надеясь, что ее вес поможет сбалансировать паланкин.

Как только она устроилась, *норимоно* внезапно остановился.

¹ *Норимоно* — паланкин, средство передвижения.